

— Эх, сейчас бы на рыбалочку, с костерком, да с ушкой. — Он отрывал руки от руля, всплескивал ими, хлопал в ладоши. Мне было маленько страшновато, таких фокусов за рулём я еще не видал.

— А у меня вот дочка... — Мужик расплылся в улыбку во все свое широкое лицо. — В школу собирается. Школьница уже ... Растет человек. — Он опять всплеснул руками:

— Вот ее бы замуж потом хорошо отдать, хорошего человека бы ей найти.

Он резко ко мне повернулся, серьезно и внимательно на меня глянул.

— Вот ты бы взял мою дочку замуж, а, взял бы?

Я сконфузился. Такие вопросы решать еще не приходилось.

— Может, она сама за меня не пойдет. Она, может, красивая, а я — ничего особенного, сами видите.

— Ничего, не робей, брат. Ты же офицер. За офицера — любая девка рада.

Так мы и доехали.

— Вот оно твоё училище, получай, — весело пробасил водитель.

Вопросительно и сосредоточенно на меня посмотрел.

— Дорога дальняя. Сколько бы мне с тебя денег взять? — Он махнул рукой: — Ладно, рубля два — и хватит. Со взрослого больше бы взял. — Давай два рубля.

Я протянул ему свою единственную пятерку. Мужик полез за сдачей, отсчитал три рубля, протянул мне и стал рассуждать:

— Ну, а не поступишь, если на обратную дорогу у тебя деньги-то есть? Да и покушать в дороге надо, то, се.

— Сдача же осталась. Как-нибудь доеду.

Музыка аж передернуло всего. Он вытаращил на меня не только крупные свои глаза, но и всю физиономию:

— Это что, все твои деньги?

Он ошалело забрал у меня три рубля, протянул мне обратно мою пятерку и прогудел то ли возмущенно, то ли восхищенно:

— Это как же родители мальчишку в дальний город отправляют с такими грошами... К чужим людям! Так же погибнуть в дороге можно. — Он замахал на меня рукой: — Иди, парень, с Богом. Иди с Богом!

Я уже перешел Садовую, а он с другой стороны от Гостиного двора прокричал мне в окно:

— Дочку мою встретишь, женись на ней. Не пожалеешь.

Я не знал, что сказать, только прокричал в ответ, превозмогая трамвайный шум:

— Спа-си-бо! — и помахал ему рукой.

Майор оказался прав: я приехал самый первый! На КПП училища дежурный старший лейтенант долго читал мое предписание, тарашился на меня и размышлял:

— Что мне с тобой делать-то? Никого еще нет, все прибывают завтра. Казармы закрыты, команд никаких. Откуда ты ранний такой выискался?

Он дал мне подушку, одеяло и уложил меня на топчане в комнате для приема посетителей. Я заснул как убитый. День был тяжелый.

А потом сразу же начались отбои, подъемы, зарядки, строй и смех счастличиков и слезы первых кандидатов, провалившихся первые вступительные экзамены.

Так получилось, что я едва не прохнулся даже не на экзамене, а на медицинской комиссии. Для меня это было странно, так как я прошел уже несколько медкомиссий, и нигде не было вопросов. Врачи суворовского училища пришли в недоумение от несоответствия моего возраста, роста и силовых показателей, которые я продемонстрировал. Кистевой силломер на той и другой руке чуть не зашкалил, я крепко рванул от пола какую-то цепь и сделал еще что-то сильное. Врачи сказали: что показатели взрослого мужчины, а не пятнадцатилетнего мальчика. И они даже думали меня на всякий случай отправить обратно — вдруг я какой-нибудь ненормальный экзemplар.

По результатам медкомиссии был консилиум, меня на него вызвали и долго пытали: откуда в таком хилом тельце такая сила?

Там я и рассказал честно, что в деревне труд тяжелый, без силы — никуда, что я и бочки с рыбой катал и грузил, и мешки с мукой носил и стога метал...

Комиссия качала головой и цокала языком; решила, пока меня не выгонять и поджогать, как я сдам экзамены. Чего же выгонять, если я и так на чем-нибудь могу провалиться.

Конкурс был около пяти человек на место.

Я глядел на гладких мальчиков, приехавших из разных мест, на генеральские и полковничьи машины, их привозившие, и думал о себе все более грустно: куда же ты, деревенщина, со свиным рылом да в калашный ряд.

Первым экзаменом была физподготовка. Это испытание было несложным — я подтянулся на перекладине и пробежал стометровку лучше, чем требовалось. В школе у нас это было поставлено хорошо. Турник стоял прямо на входе в школу, и я с него не слезал.

Очень серьезными были остальные экзамены — русский язык, математика и английский язык.

Конечно, бесконечная благодарность нашему директору школы — Тихоненко Вангелине Викторовне, которая одновременно вела русский и литературу. Она ставила мне устные оценки, а за четверти ставила пятерки. Она меня воспитывала. Как она знала свой предмет! Как она мордовала нас, деревенских оболтусов. Однажды мое сочинение она отправила в районную газету. И там его опубликовали. Я купался в славе. Это была первая моя публикация.

Экзамен по русскому языку я сдал на пятерку. И это, конечно, решило все! Отселялось сразу же около половины абитуриентов. Тех, кто сдал на пятерку, было всего несколько человек, и на меня офицеры, внимательно следившие за ходом экзаменов, стали уже благосклонно поглядывать.

Математики я боялся страшно. Она всегда мне тяжело давалась, в школе еле-еле сдал на четверку.

Рассадили по столам. Написали на доске два варианта задач. Мне достался второй, три задачи.

Одну из них я кое-как решил. Но одной недостаточно — это двойка. Сидел-сидел, ничего не высидел. На мое счастье соседом оказался Женька Гаврилов — круглый отличник по математике. Он свои задачи решил минут за пятнадцать. Сидел, скучал. Я жалобно на него посмотрел...

Женька сосредоточился, минут пять покорпел, и придвинул мне листочек со второй решенной задачей.

— Дальше сам решишь, не маленький, — сказал он мне и пошел сдавать свои наработки.

Я остался корпеть над третьей задачей, но так ее и не одолел.

В результате мне поставили четыре и сказали, что третью задачу я решал в правильном направлении, и выразили сожаление, что не завершил работу. А так бы пять поставили. А как тут завершить, если математика меня всю жизнь клинит.

В результате перед последним экзаменом — перед английским — отселялось очень много ребят, и конкурсу уже почти не было. Но я люто боялся этого экзамена, так как по-английски вообще ничего не знал.

На экзамене, в самом деле, произошел цирк.

Члены комиссии долго, с нескрываемым удивлением, внимательно слушали мои «бе» и «ме», задавали какие-то дополнительные вопросы. Переговаривались, опять смотрели на оценки, уже мною полученные, вглядывались в меня.

— Послушайте, молодой человек, — сказала, наконец, председатель комиссии. — Вы же нас ставите в дурацкое положение. Ведь мы же даже единицу вам поставить не можем. Вы же не тяните даже на единицу.

Я только расстроено хлопал глазами.

А с другой стороны, у вас хорошие оценки. Конкурса уже нет, вы уже, можно сказать, поступили. Может быть, вы нам объясните, в чем дело? Вы не способны к языкам? В школе вы как учились? У вас что, двойки были по английскому языку?

Я чуть не разревелся.

— Да у нас вообще уроков по английскому языку в школе не было.

И тут я рассказал и про учительницу в декрете и про то, что самостоятельно хотел изучить, но самостоятельно не получается. И в деревне никто языка не знает.

Комиссия облегченно вздохнула. Комиссии стало весело.

Но все они просто захохотали, когда спросили меня: «А как переводится хау ду ю дү?», и услышали мой ответ.

А я сказал почти уверенно:

— В этой английской фразе явно выговаривалось что-то про еду.

— Ну, почти правильно, — сказали они весело и поставили мне тройку. Только попросили хорошо заниматься. Но предупредили: если за первую и вторую четверть оценки по английскому будут плохие, они будут ставить вопрос об отчислении.

Так я поступил в суворовское училище. Но комиссию я не подвел: закончил училище, получив диплом военного переводчика.

Теперь прошло много лет с тех пор.

Но, странное дело, лишь недавно я обратил внимание на то, что тогда я прошел через целую цепь вроде бы случайных событий, каждое из которых напротив разрушало бы путь поступления в суворовское училище, если бы это событие не совершилось.

Согласитесь: случайно ли то, что у первой моей учительницы оказался племянник суворовец, и она показала мне его фотографию?

Да, случайность.

Случайно ли то, что директор школы Тихоненко Вангелина Викторовна привела мне любовь к русскому языку и литературе, и научила меня писать грамотно? Ведь полученная в результате пятерка очень сильно мне помогла.

Да, это тоже случайность.

Случайно ли то, что тогда в шторм пришел за рыбой сумасшедший МРС и забрал меня, и я уехал, что называлось на падающую флажке? Ведь такие суденышки в шторма за грузом никогда не ходят.

Да, это большая случайность.

Случайно ли то, что не успев на поезд, я встретил в коридоре военкомата того майора, который и не должен был там быть из-за обилия других дел. И майор сам отложил свои дела, и отвез меня в аэропорт, оплатив мой проезд. Он ведь ничего этого не обязан был делать.

Да, и это чистая случайность.

Случайно ли то, что меня в аэропорту, потерявшегося мальчишку, забрал и отвез к училищу на каком-то грузовике какой-то не знающий меня человек и тоже не взял с меня никаких денег?

Конечно случайность.

Случайно ли то, что на экзамене по математике со мной рядом оказался уникальный отличник Женя Гаврилов, который сам взялся решить и решил для меня трудную задачу, без которой я, конечно же, точно не прошел конкурс.

Безусловно — случайность.

Не случайно ли то, что меня на всякий случай не выперли из-за глупых медицинских показателей на медкомиссии, или то, что комиссия на экзамене по английскому языку меня просто пожалела? Могла бы ведь отнестись формально, и тогда бы все...

Что им каждого жалеть?

Меня будто кто-то твердо и уверенно взял за руку и привел из деревни в Ленинградское суворовское военное училище.

Теперь я знаю, Кто это сделал, и я Ему благодарен за все. И нет у Него случайностей, а есть Божий промысел.

Наверное, с годами становишься сентиментальным. То шершавыми, то шелковистыми прикосновениями трогаёт сердце то, что раньше пролетало мимо него, а если и трогало, в нем не поселялось.

К сожалению, Едкоию Николаевну Попову уже больше не встречу: ушла она от нас недавно. Слава Богу — успел ей сказать какие-то хорошие слова.

А вот Женьку Гаврилова, директора Тихоненко, капитана МРС, того майора и того водителя грузовика хотелось бы встретить. Посидеть рядом, попить чайку или чего другого, рассказать о своей жизни, узнать, как сложилась судьба у них, у дочки водителя.

Главное, что хотелось бы сделать — снять с себя груз, который меня тяготит — груз невысказанной благодарности.

Они обо всем, конечно же, забыли. А я — помню.

\*\*\*

Ликующей листвы  
крутая распродажа,  
Медлительный исход реки,  
текущей всклень.

Здесь я всего лишь часть  
знакового пейзажа,  
Случайный огонек  
в одной из деревень.

Здесь так понятны мне  
плакучесть и текучесть,  
И не страшит меня  
зимы грядущей транс.

Какую бы и где ни предвещал мне участь  
Болот и журавлей  
прощальный декаданс,  
Я не один — со мной

и Пушкин, и Есенин.

Последняя слеза еще не утекла.  
Приди ко мне и ты,  
мой нежный друг осенний,  
И стань еще одним

источником тепла.

\*\*\*

Не продвинул я в общем строю,  
Мне по жизни немного нужно.  
Я народную песню пою —  
Потому что она простодушна.

\*\*\*

Нет. Звон трамвая не стреножишь.  
Попсу вокзалов не уймешь.  
Мой город, ты меня тревожишь,  
Укрыться мраком не даешь.

Ярки твои боеприпасы  
Манящих бликов и теней

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,

\*\*\*

Дом родимый — глаз не оторвать!  
Грустная и кроткая природа,  
Вот она — стоит у огорода  
Маленькая седенькая мать.

В раю папа крутит папиросу,  
Век тебя согнул, как занг вопроса,

И бескорыстному труду,